Приключения Петрова и Васечкина

Автор:
Владимир Аленков

Приключения Петрова и Васечкина

Владимир Михайлович Аленков

Приключения Петрова и Васечкина #1Школьная библиотека историй и приключений

Все, кто когда-то был маленьким, знают Васю Петрова и Петю Васечкина примерно так же, как своих одноклассников. На излете 80-х не было ни одного подростка, который не подружился бы с ними благодаря фильмам Владимира Аленикова.

Эти давние подростки выросли и стали родителями, а Петров с Васечкиным остались прежними и по-прежнему любят обыкновенные и невероятные приключения, они влюблены в Машу и готовы на все ради нее. Даже научиться плавать, говорить по-французски и запеть серенады на манер итальянских теноров. Но главное – они снова с нами!

Для детей младшего школьного возраста.

Владимир Аленков

Приключения Петрова и Васечкина

© Аленков В. М., 2011

© Иллюстрации. Котт Л., 2015

© Иллюстрация на обложке. Бугославская Н. В., 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2013

* * *

Приключения Петрова и Васечкина

С чего всё началось

В 1-й «Б» пришёл новичок. Сев на указанное ему место, он начал доставать из портфеля учебники. Вдруг вокруг него замелькали горошины жёваной бумаги, а вслед шлёпнулась на парту записка:

«Вася Петров чимпион школы по пливкам на точныть сриди професионалов».

Новичок оглянулся. За партой через ряд сидел, покровительственно улыбаясь, чемпион Петров.

Вдруг улыбка сползла с его лица, так как в глаз ему влетел большой кусок жёваной бумаги, и тут же шлёпнулась записка: «Петя Васечкин – любитель».

Петров уставился на Васечкина. Тот поднял обе руки в традиционном спортивном приветствии.

Так началась дружба Петрова и Васечкина.

Загадочное женское сердце

Пете Брандту

Ну и пусть смеются. Могут хоть животики надорвать. А только это всё от зависти. Что мы с Петровым такие друзья. Нас ничем не разольёшь. Горошко ехидничает, что мы даже в Машку Старцеву вдвоём втюрились, чтобы никогда не расставаться. Ладно, ладно. Ехидничать всякий может. А сам небось за Людкой Яблочкиной бегает в одиночку и со скуки умирает. Потому что кто на неё, кроме него, посмотрит: она же рыжая и вся в веснушках-конопушках. То ли дело Маша…

Я, честно говоря, и сам не сразу заметил, какая она. А Петров, как выяснилось, сразу, с первого класса, на неё глаз положил, только он в себе всё держал, стеснялся. И вправду, у нас раньше с этим делом строго было. Чуть что – засмеют. Я и сам, например, над Горошко всегда хихикал, в том смысле, что он за Людкой Яблочкиной бегает. Но то Горошко, а тут лучший друг. Я повторяю, он хоть и сразу в Машу втюрился, можно сказать, с первого нашего Первого сентября (это он мне сам потом признался, как, говорит, увидел, так будто в столб головой врезался, и искры из глаз посыпались, прямо как первомайский салют!), но про это целых три года никто не догадывался. Даже я, не говоря уже о самой Маше. А открылось всё вот как.

Дело, как сейчас помню, было в конце третьего класса. Машу как раз сандружинницей выбрали. Она тогда сама себе сумочку сшила с красным крестом и полумесяцем и стала её через плечо носить. И такая гордая была, не подступись. А ещё ко всем придираться начала: то ей не так, это не этак. Одним словом, никакого житья с самого, можно сказать, утра. Потому что, как только приходишь в школу, так и начинается. Я уже и раньше вставать стал, чтобы первым в класс попасть, но всё напрасно. Школу только открыли, а Машка уже тут как тут – торчит у дверей класса. И сразу же: покажи руки, покажи шею, покажи уши, почему не причёсан, почему ногти не подстриг?! И так каждый

день. Причём ко мне одному придирается. Просто никакого житья от неё не стало.

А тут, смотрю, что-то и Петров раньше других в школу зачастил. Сначала я подумал, из солидарности, как настоящий друг, а потом вижу, не в этом дело. В школу-то он приходит, а в класс не идёт, хотя всё у него в полном порядке, и Машка на него ноль внимания. А он встанет у окна и глаз с неё не сводит. Ну, тут я наконец и заметил. Что-то тут нечисто, думаю. Решил понаблюдать.

День наблюдал, два наблюдал, а на третий понял, так и есть – втюрился Петров. Надо же. И в кого? В Машку. А она отличница и придирала. Чего он в ней нашёл? И главное, глаз от неё не отрывает! Ну, думаю, если я заметил, то скоро и все заметят, и будет бедному Петрову тоскливо не только в классе, но и во всей школе. И тут мне его жалко стало – всё-таки лучший друг. Ну и решил ему помочь.

Чего ты, говорю, Петров, всё на неё смотришь? Чего в ней хорошего? А он вздыхает, как паровоз, вот-вот дым из него повалит. Мне его ещё жальче стало. Ничего, говорю, не дрейфь, Петров, прорвёмся. Ты только не вздыхай так громко. А он ещё громче вздохнул и говорит: «Какая разница? Вздыхай не вздыхай, а она всё равно ноль внимания!» Что правда, то правда. У человека, может быть, вулкан в груди извергается, целый Везувий, а Старцевой всё до лампочки. А ещё сандружинница называется. Ей по должности положено первую помощь оказывать, а она только и знает «уши покажи, руки, шею»… А у человека, может, температура сорок один да ещё с десятыми, может, никаким градусником её и не измеришь. А ей хоть бы хны. И такое зло меня взяло. За Петрова обидно.

А как помочь ему – не знаю. И ещё больше злюсь. Так разозлился, что даже на Петрова кричать начал. Ну чего, кричу, стоишь? Пошли в класс! А он стоит и глазами хлопает. Сколько его знаю, он всегда, когда думает, глазами хлопает. А так как думает он медленно, то и получается, что он почти всегда ими хлопает. Постоял он так, похлопал-похлопал и говорит: «Нет, не пойду! Ты иди, а я ещё тут постою!» И снова на Машку уставился. Ладно, говорю, стой. Может, чего и выстоишь. Ну а сам в класс пошёл.

А Машка конечно же тут как тут. Привязалась. И руки ей покажи, и шею выверни, и ушами похлопай. Нет ли там пыли? Нету, говорю, с утра стряхивал! И тут меня вдруг осенило. Как громом ударило. Я даже в класс прорываться

перестал. Чего я там не видел? Ладно, говорю, Старцева, пойду себя в порядок приводить. А сам прямиком к Петрову. Тот, где стоял, там и стоит, куда смотрел, туда и смотрит. Ладно, говорю, кончай переживать. Сейчас она, как миленькая, на тебя внимание обратит! А он говорит: «Быть того не может!»

Ещё как может, говорю. Ты, говорю, Петров, пойди вымажись как следует! Она к тебе так пристанет – не отвяжешься!.. Гляжу, оживился Петров. Не сразу, но всё-таки начинает до него моя идея доходить. Глазами больше не хлопает, нос поднял, и рот до ушей. «А что вымазать?» – спрашивает. Мажь уши, говорю, чтобы сразу заметно было. Вижу, колеблется Петров. «А может, лучше руки?» – спрашивает. Ну как знаешь, говорю, и с разбегу лечу в класс.

Так на полном ходу мимо Старцевой и промчался.

Машка, конечно, такого номера не ожидала, так и застыла с открытым ртом. А когда пришла в себя, то и говорит: «Ну и хулиган же ты, Васечкин!» Ладно, ладно, думаю, пусть чего хочет говорит, а я уже в классе. Попробуй меня отсюда выгнать. Сел я на своё место и жду, что дальше-то будет, когда она измазюканного Петрова увидит. Лишь бы, думаю, он бы посильнее вымазался.

В общем, вижу, идёт Петров. Как на казнь. Голова поднята, а в глазах такое, что ни в сказке сказать ни пером описать. Пришёл и встал. Стоит и на Машку не смотрит. А та говорит: «Ты чего, Петров, встал на проходе? У тебя руки всегда чистые! И уши! И шея! Можешь не показывать! Проходи давай!» А он стоит, чуть не плачет и на меня смотрит. Так, знаете, жалостливо. А я чего могу? Я ж предупреждал, чтобы уши мазал – сразу в глаза бы бросилось, а так…

Короче, подошёл он ко мне, сел рядом, лицо в ладони уткнул и сопит. А мне, главное, его утешить нечем!

Словом, повздыхал он, повздыхал и полез в портфель за учебником, а руки при этом от лица убрал.

Гляжу: что такое? У него на лице какие-то буквы отпечатались, на всю щеку. Только прочитать я их не могу, так как они задом наперёд отпечатались. Вот, думаю, теперь бы он Машке на глаза попался. Да где там, она опять в его сторону даже не смотрит. Одно слово, невезучий. А Петров в это время, ничего не подозревая, тем же манером еще два раза за лицо схватился, и у него эти

буквы снова и снова отпечатались. В три ряда.

Тут уж я не утерпел и захохотал. А он обиделся и спрашивает: «Чего ржёшь? А ещё друг называется!» А я смеюсь, остановиться не могу. Тут он ещё больше обиделся и говорит: «Ах, раз ты так, Васечкин, то я с тобой дружбу заканчиваю! Можешь от меня отсаживаться куда хочешь! Мне же легче будет. А то вечно придумываешь всякое, а я расхлёбывай. И вообще у тебя уши грязные. И нос! И шея!»

Во, завёлся! Такого от него я не ожидал. Тоже друг, чуть что – сразу обзываться. А ты, говорю, на себя посмотри! Он: «Это ещё зачем? Что я, себя не видел?» Нет, говорю, ты уж посмотри, а сам его к зеркалу тяну. Он упирается, но я всё равно не отстаю. Кое-как дотащил, хоть он и здоровей меня раза в два. Гляди, говорю, любуйся!

Глянул он в зеркало и остолбенел. Стоит и глазами хлопает. Тут и я в зеркало глянул. А там Петров с глазами нараспашку. И ещё вдруг вижу, что в зеркале буквы на свои места встали. Я и прочёл. И не только я, а все, кто рядом был: и Герка Скворцов, и Вовка Сидоров, и Горошко, и Люда Яблочкина.

А написано там было: «Я тибя люблю».

Никто тогда не понял, что к чему, а я сразу догадался: это он, вместо того чтобы уши вымазать, на руках у себя написал. Мол, Маша, когда проверять их у него будет, прочтёт и всё поймёт…

А она тут как тут, легка на помине. «Что это, – говорит, – Петров, ты себе на лице понаписывал? А ну, марш умываться! Это всё Васечкин на тебя плохо влияет!»

Чуть что – сразу Васечкин. Думал, хоть теперь от меня отстанет, так нет. Про Петрова тут же забыла и ко мне привязалась: чтобы, мол, это было в последний раз, иначе, мол, она вопрос поднимет на совете отряда, и что с неряхами бороться надо, и что я дурное влияние на бедного Петрова оказываю, и всё такое прочее.

А он, бедный, стоит и глазами хлопает. Хлопал, хлопал, а потом плюнул себе на ладонь с остервенением и давай тереть! Тёр, тёр, потом за лицо принялся. Да

куда там – только чернила по всему лицу размазал.

Тут я не выдержал и захохотал, а за мною все остальные. Все, кроме Петрова и Маши. Она посмотрела на меня, будто первый раз видит, и говорит: «И не стыдно? А ещё друзья называетесь. У друга, можно сказать, беда, а ты сам первый смеёшься!»

И пошла себе.

Подумаешь! Тоже мне воспитательница!

Только Петров тогда на меня сильно обиделся. Даже долго после этого со мной не разговаривал. Почти целый урок. Я уже и так к нему, и этак, а он ни в какую. А потом меня к доске вызвали, а я, понятное дело, ни в зуб ногой. Ну, тут он не выдержал и давай мне подсказывать. Лучше бы он и дальше молчал. Потому что он мне такого понаподсказывал, что Ирина Андреевна мне сразу двойку вкатила. А заодно и Петрову, чтоб мне обидно не было.

«Ну вот, – сказал он, – так всегда. Ты, Васечкин, кашу заваришь, а мне расхлёбывать!» Чудак-человек! Я-то тут при чём?! Мне что, пятёрку, что ли, поставили?

В общем, мы помирились. Потому что у нас всегда так. Как бы ни ссорились, всё равно потом миримся.

Вот и тогда, когда мы Машу укрощали, все думали, что навсегда рассоримся, а мы – как ни в чём не бывало. Дружим и дружим. Короче говоря, на этот раз мы решили, что каждый сам будет думать, как Маше понравиться, то есть, вернее, как её укротить. Петров сам по себе, а я сам по себе. Ну, первый, естественно, я придумал, потому что Петров пока сообразит – год пройдёт. То ли дело я. Через час план был готов!

Вот представьте себе такую картину: допустим, идёт Маша из школы, а ей дорогу преграждают хулиганы. Человек пять или шесть, а может, даже восемь. И все здоровые, как Петров, или даже ещё здоровее. Загораживают они, значит, ей дорогу и домой не пропускают. И вдруг! Откуда ни возьмись появляюсь я! Не спеша подхожу к ним вразвалочку. Руки, естественно, в карманах. Потом медленно всех оглядываю и лениво так, сквозь зубы, спрашиваю: «Надеюсь,

парни, вы шутите?» Один из них, самый здоровый, конечно, страшно удивляется: «А это ещё кто? Откуда взялся?» Я же абсолютно спокойненько: «Живу я тут, понимаешь!» Ну, он уже нервно: «Давно не получал, пацан? А ну дуй отсюда, пока цел!» А я ещё спокойнее: «Я удалюсь только в сопровождении вот этой юной леди!» – и такой изящный жест в сторону Машки. А она, естественно, стоит ни жива ни мертва и на меня во все глаза смотрит.

Тут кто-нибудь из этих хулиганов на меня замахивается, а я специальным приёмом его через себя – раз! – другого следом – бах! И начинается месиловка. Они, конечно, всем скопом на меня наваливаются и, кажется, вот-вот одолеют. Но тут я как закричу: «Яйа!» – и разбрасываю их во все стороны.

Представляете? Они все лежат, а я стою, можно сказать, из последних сил, и на разбитых губах у меня – улыбка.

Тут Маша, конечно, бросается ко мне и говорит: «Спасибо, Васечкин. Я и не подозревала, что ты такой. Тебе не больно?» А я так слегка покачиваюсь, но, превозмогая боль, говорю: «Пустяки! До свадьбы заживёт!» – и снова покачиваюсь.

Тут она подставит своё плечо, обнимет меня за пояс и скажет: «Васечкин, давай я помогу тебе дойти до дома!» И мы с ней вот так и пойдём, она – бережно меня поддерживая, а я – слегка прихрамывая….

Здорово? Вот и я говорю, классный план. Главное – стопроцентный! Только где этих самых хулиганов раздобыть? Думал я, думал и, как назло, ничего придумать не мог. Ну, наконец, не выдержал и рассказал всё Петрову.

Петров, ясное дело, говорит, здорово! Ну и голова же у тебя, Васечкин! Мне бы такого ни за что не придумать. Давай вместе, говорит, караулить, когда на Машку хулиганы нападут. Тут мы вдвоём как выскочим!..

Ну вот, рассказывал ему, рассказывал, объяснял-объяснял, а он так ничего и не понял. Это, говорю, сколько ждать придётся, а вдруг они никогда на неё не нападут? Чего им на неё, в самом деле, нападать? А как же, спрашивает, тогда быть? Что-то, говорит, я тут ничего не понимаю. Откуда же тогда хулиганы возьмутся? В том-то и дело, говорю, с бухты-барахты они ниоткуда не возьмутся. С ними договориться надо. С хулиганами, удивляется Петров, как это с ними

договариваться? С ними бороться надо! Ох, горе моё! Доходит до него, как до жирафа! Семь потов с тебя сойдёт, пока ему объяснишь.

Понимаешь, говорю, хулиганы нужны не настоящие, а понарошку. Я буду знать, что они не хулиганы, а Маша нет! Понял? Вижу, ничего он не понял. Я опять объясняю: вот, например, говорю, ты хулиган! «Какой же я хулиган?» – возмущается Петров. «Понарошечный!» – ору я. И вот ты, допустим, понарошку на Машу нападаешь, только она думает, что взаправду. И пугается. А тут появляюсь я и понарошку тебя швыряю специальным приёмом. А она думает, что взаправду, и говорит: «Какой ты герой, Васечкин!» Понял?

– А! – обрадовался Петров. – Тогда другое дело. Только я не понял: кто хулиганами-то будет?

Ты, говорю, сам и будешь. И ещё кто-нибудь!

Нет, говорит, Васечкин, делай что хочешь, только я не буду.

А ещё друг, говорю, в таком пустяке помочь не можешь! Эх ты!..

В общем, пристыдил я его.

Покряхтел Петров, покряхтел, а потом: ладно, говорит, помогу.

Вот и хорошо, говорю, один хулиган уже есть! А где остальных взять? Ну, лиха беда начало. За большую перемену ещё шестерых насобирал из других классов. Пообещал им по две порции мороженого. Впрочем, долго их уговаривать не пришлось. Идея сразу всем понравилась. Там же на большой перемене и генеральную репетицию провели. Как они Машу окружают, как я появляюсь. Они все свои слова выучили. А я так мужественно произнёс свои последние слова: «Пустяки! До свадьбы заживёт!», что мне даже все зааплодировали.

Короче, к концу уроков всё было готово. Так что, когда Маша из школы вышла, все уже стоял и на своих местах и ждали. И как только она через сквер пошла, тут они все повыскакивали и окружили её.

Она, как я и хотел, испугалась.

Дальше тоже всё пошло по задуманному. Я эффектно так подошёл откуда ни возьмись.

«Надеюсь, – говорю, – парни, вы шутите?» А у самого руки в карманах и вид самый ковбойский.

Генка из шестого «А» спрашивает: «А это ещё кто? Откуда взялся?» Тут я так небрежно, сквозь зубы: «Живу я тут, понял?»

Здорово вышло, даже самому понравилось. Ну, и Генка не подкачал. Как самый настоящий хулиган, мне он ответил самым хулиганским образом: «Давно не получал, пацан? А ну дуй отсюда, пока цел!»

Я ему сам чуть не зааплодировал. Но сдержался и, как ни в чём не бывало, продолжаю: «Я удалюсь только в сопровождении вот этой юной леди!» И так спокойно на Машку показываю, а она стоит ни жива ни мертва и на меня во все глаза смотрит. И Петров тут же глазами хлопает. Всё на Машку пялится, оторваться не может. Ну, я его в бок толкнул, чтобы он очнулся, подмигнул и специальным приёмом его как жахну, а потом как заору: «Яйа!» От меня все просто шарахнулись. И – врассыпную. Только Петров лежит, как убитый. Он, конечно, сам упал, я до него только чуть-чуть дотронулся. Классно подыграл. Молодец!

Я ему опять незаметно подмигнул: начинай, мол. Петров, как и договаривались, застонал. Хорошо застонал, как настоящий раненый. А я стою себе скромненько и жду того, что в таких случаях положено, то есть благодарностей…

Что я могу ещё сказать? Так она на меня никогда не смотрела. Глазами будто насквозь прожгла, а потом говорит: «Ну и хулиган же ты, Васечкин!» И как бросится к Петрову. Первую помощь ему оказывает, гладит, успокаивает, а сама чуть не плачет, всё переспрашивает: «Тебе не больно, Петров?»

Это ему-то, хулигану! Я, признаться, даже растерялся. А когда пришёл в себя, было уже поздно. Петров скрипнул зубами и, с трудом улыбнувшись, произнёс: «Пустяки! До свадьбы заживёт!»

В точности как я, когда героя репетировал.

А Машка ему тем временем своё плечо подставила, за пояс обхватила и говорит: «Пойдём, Петров, я тебе помогу до дома дойти!»

И пошли: она его так бережно поддерживает, а он слегка прихрамывает…

А я стоял, смотрел им вслед и думал, прав мой папа: женское сердце – это загадка. И ответа на эту загадку нет.

Мы, конечно, с Петровым опять поссорились. Надолго. Наверное, целых шесть уроков молчали. И пять перемен. А потом не выдержали. Потому что у нас всегда так: как бы ни ссорились, всё равно потом помиримся.

Укрощение строптивой

Регине Рывкиной

Петров.

Чуть что – так сразу Петров. Как будто я эту кашу заварил! Васечкин вечно придумает, а Петров отвечай! И потом совсем я не собирался никого укрощать – не такой у меня характер. А Васечкин пристал – укрощай и укрощай! А какой из меня укротитель? Мне в цирке куда больше клоуны нравятся. Но разве от Васечкина отвяжешься, когда он себе что-нибудь в голову вобьёт?.. Он любого заставит сделать по-своему! Это же Васечкин!

Вот я и укрощал Машу, хоть и не такой у меня характер. А как это было, пусть он сам рассказывает… Хватит с меня!

Васечкин.

Ну Петров! Если бы не я, он бы вообще с места не двинулся! Сидел бы себе спокойно и глазами хлопал. А что он всё на характер сваливает – чепуха! Нет у него никакого характера. Это надо же придумать – втюриться в Машку

Старцеву, в отличницу. Такое только Петрову могло в голову стукнуть. Ему, если что втемяшится, ничем не выбьешь!..

В общем, стал Петров худеть. День худеет, два худеет, а тут как раз у нас контрольная по русскому. Тут всё и началось…

Алла Иванна ещё только собралась диктовать, а я смотрю, Петров уже что-то пишет и, главное, старается при этом изо всех сил. Только я подумал, что бы это могло значить, как он точку поставил, листок из тетрадки вырвал и вчетверо его сложил. Я даже прочитать не успел. Хотел его спросить, чего это он там насочинял, как диктант начался, и не до того мне стало, потому что, если диктант, тут уж гляди в оба. Я и глядел. Одним глазом к Машке Старцевой, другим – к Вовке Сидорову, который хоть и самый маленький в классе, но тоже отличник.

Короче, чего там Петров с этим сложенным листком дальше делал, я не видел. Только вдруг, смотрю, к Машке на тетрадку шлёпается точно такой же листок и весь правильно написанный диктант собой закрывает… Ох, думаю, Петров, нашёл время. А Машка листок развернула и тут же накрыла его тетрадкой, чтоб Алла Иванна не заметила. И я опять ничего прочесть не успел. Поэтому, что там Петров написал, только он и Машка знают. Вот пусть они и рассказывают…

Маша Старцева.

Мой папа всегда говорит, что если взялся за дело, то делай его на «отлично». По-моему, это очень правильно, потому что некоторые, вместо того чтобы учиться, все норовят списать…

Вот, например, Васечкин. Как от него тетрадку ни закрывай, а он всё равно умудрится подглядеть. Хотя сам первый голосовал, когда мы на пионерском собрании постановили не списывать и не подсказывать. Я так и знала, что это до первого диктанта…

И точно. Так и случилось. Только Алла Иванна начала диктовать: «Пришла лиса к зайчику и говорит…» – как чувствую, Васечкин у меня каждое слово списывает. А это не по-честному! Я уже и так сяду, и эдак, мне даже Алла Иванна замечание сделала, чтобы я не ёрзала, а с Васечкина все как с гуся вода.

А Алла Иванна дальше диктует: «…и говорит: “Послушай, косой, у тебя – никого, у меня – никого, будем жить вместе!..”»

В общем, только я это написала, как на тетрадку мне и упала эта записка. А Васечкин тут как тут, нос свой любопытный всюду суёт. Накрыла я записку тетрадкой, а потом потихонечку вытащила, прочла следующее:

«Люби миня как я тибя и будим верные друзья!»

И подписи нет.

Кто бы это, думаю, мог написать? Сидоров? Нет. Он же самый маленький в классе. Горошко тоже не мог, он за Людой Яблочкиной бегает… Может, Герка Скворцов? Нет, он, кроме своих морских свинок, никого не видит!.. А может, Васечкин? Да нет, этому лишь бы списать… А может, всё-таки Горошко?

Тут мне снова Алла Иванна замечание сделала, чтоб я не вертелась! Вечно от этих мальчишек одни неприятности.

И главное, хоть бы без ошибок писали, а то в одном предложении три ошибки. Исправила я их и внизу двойку поставила.

Тут Алла Иванна подошла к Петрову и заглянула к нему в тетрадь.

– Ну-ка, Петров, иди к доске! – сказала она.

Петров.

Вот так всегда, чуть что – сразу Петров. Что, больше никого нету? Тридцать два человека в классе, а как к доске, так почему-то Петров… Ну, делать нечего, я и пошёл. В конце концов пришёл. Стал. Стою. Алла Иванна говорит: «Напиши-ка нам, Петров, это предложение: “У тебя – никого, у меня – никого, будем жить вместе!”».

А чего его писать, я его в тетрадке написал. Но я спорить не стал. Взял мел и пишу себе потихоньку. Чего спешить? Не такой у меня характер… Только вдруг чувствую, кто-то меня зовёт шёпотом. Оглядываюсь – Васечкин! Что у него, думаю, случилось? А?

Васечкин.

Нет, пока он писал, всё было ничего. У Петрова вообще-то аккуратный почерк. Вот он им не спеша и вывел:

«У тибя – никого, у миня – никого, будим жить вместе!»

Я только было собрался перекатать это к себе в тетрадку, но тут по привычке глянул к Машке и обалдел. У неё это предложение совсем не так написано, хотя тоже красивым почерком. Что тут делать? Друг всё-таки… А как ему сигнал подать, когда он к тебе спиной стоит и восклицательный знак выводит? Я его тихонечко и стал звать. Петров наконец услышал и оглянулся, но толку от этого никакого. Я ему уже по-всякому подмигиваю и пальцем показываю, а он, как стоял, так и стоит столбом, только глазами хлопает.

Ну, тут Алла Иванна Машку к доске вызвала: мол, пойди, Старцева, исправь. А та рада стараться, так и полетела к доске, прямо как Плисецкая в «Анне Карениной», что на днях по телику показывали. Подлетела она, значит, к доске, на Петрова вообще не смотрит, а сразу ошибки исправлять. Одно слово, отличница! А Петров – да чего тут говорить! – Петров уставился на неё, будто в музее… Эх, глаза бы мои не видели!

Маша Старцева.

Исправила я «миня», «тибя» и «будим», Алла Иванна меня похвалила: молодец, говорит, Маша, садись. Села я на место, а сама думаю, где-то я уже эти ошибки видела… Разворачиваю записку, так и есть – и ошибки те же, и почерк. Ага, думаю, попался! Ну, Петров, держись!

В общем, пишу я дальше диктант, а сама всё думаю, что бы такое Петрову ответить… Чтобы не приставал! Думала, думала и придумала. Вырвала листок из тетрадки и написала:

«Ты, ПИтров, сначала писать научись правильно!»

Потом сложила листок вчетверо и сверху под писала:

«ПИтрову»…

Петров.

Мне эту записку Люда Яблочкина отдала. Я прочёл. Ладно, ладно, думаю. Не очень-то и хотелось… Прекрасно проживу без неё и без дружбы её телячьей. У меня, между прочим, Васечкин – друг! Я бы с ним всюду пошёл: и на каток, и в разведку… И вообще, с ним всегда интересно. Он такое придумает… Так что обойдусь как-нибудь. Плакать не буду. Не такой у меня характер…

Васечкин.

Стою я на перемене возле окна и провожу опыт. Сквозь лупу на лист герани солнце концентрирую. Интересно, будет он завтра больше других листиков или нет?

Короче, опыт провожу, а тут, значит, ко мне Петров подходит, и лица на нём нет. Вот-вот заплачет. И записку протягивает. Прочитал я записку раз, ничего не понял, хотел ещё раз прочитать, но вдруг вижу – Петров куда-то уставился, глаз

отвести не может. Смотрю, в конце коридора Машка Старцева чего-то Люде Яблочкиной на ухо шепчет, а сама в нашу сторону смотрит и хихикает. Тут я сразу всё и понял. «Она?» – спрашиваю. И по Петрову вижу, что она. Такое меня зло взяло. Брось ты её, говорю, Петров, она же отличница. Но, вижу, не доходят до него мои слова. Стоит себе и глазами хлопает. Но я не сдаюсь. Пошли, говорю, в живой уголок, кроликов выпустим. Интересно, упрыгают они или нет? Ноль внимания. Нет, говорит, что-то не хочется. А я не отстаю. Друг всё-таки. Тогда давай, говорю, пищалку в тряпку засунем. Которой с доски стирают! Вот смеху-то будет!

Опять мимо. Не реагирует Петров, только вздыхает, как паровоз. Тут уж я не выдержал. Воображала, говорю, хвост поджала и под печку убежала. А под печкой крокодил воображалу проглотил! Ну, вижу, ожил Петров и на дыбы. «Это кто воображала?» – кричит. И на меня прёт. Ну, я вижу, человек не в себе, чего с ним связываться.

Машка, говорю, кто же ещё. Ладно, Петров, привет! Мне пора. А ты стой. Учись писать правильно!

И пока он пыхтел и думал, что бы мне ответить, я в класс убежал – пищалку в тряпку заворачивать…

Маша Старцева.

Следующий урок был урок рисования. Сан Саныч вошёл в класс, поздоровался и, увидев, что доска грязная, сам начал стирать писанину Петрова. Но тут тряпка в руках у него запищала. Васечкин, будто только этого и ждал, как заржёт на весь класс прямо у меня над ухом. Явно его рук дело. Нужно на классном собрании поговорить о хулиганском поведении Васечкина, вот что я подумала.

А Сан Саныч тем временем достал из тряпки маленькую резиновую куколку-пищалку. Что же, говорит, отлично, это и будет наша сегодняшняя модель. Нарисуйте-ка мне эту куколку!

Ну, какое-то время все рисовали, а потом Сан Саныч подошёл к Петрову, посмотрел на его рисунок и говорит: «Гм… знакомые черты! Странно, Петров, раньше я в тебе таланта портретиста не замечал!»

Петров.

Ну вот опять, чуть что – так сразу Петров! Сам не понимаю, как это у меня получилось, рисовал куколку, а вышла вылитая Маша. Это потому, что я рисовать совсем не умею. Что я, виноват? Не всем же быть художниками. Чего тут делать? А Васечкин мне и говорит: «Ладно, Петров, я тебе помогу!» Выхватил у меня рисунок и быстро пририсовал Маше усы, а внизу подписал: «МАШКА-ПРОМОКАШКА». Я и глазом моргнуть не успел, как он всё это ей подсунул. А она поглядела на рисунок, скомкала и бросила назад на нашу парту и при этом ещё посмотрела на меня уничтожающе и пальцем у виска покрутила…

Ну вот, думаю, теперь всё кончено. Помог мне друг Васечкин. А он меня в бок толкает. Держи, говорит. А сам какую-то книгу подсовывает. Называется «Укрощение строптивой». «Что это ещё такое?» – спрашиваю. «Это – гениальный Шекспир, – шепчет он, – учебник жизни! Так мой папа говорит моей маме. Так что учись жить!»

– В смысле? – спрашиваю я его, потому что, честно говоря, ничего не понял.

– Укрощать её будешь. Понял? – заявляет Васечкин.

– Понял! – говорю, хотя на самом деле опять ничего не понял… Потому что если бы я тогда всё понял, то сразу бы отказался укрощать. Не такой у меня характер…

Васечкин.

А чего тут понимать? С девчонками иначе нельзя. Эх, жаль не я в Машку втюрился, я бы ей показал. А с Петрова чего возьмёшь, тюфяк тюфяком, хоть и здоровый. Я его уже и так и эдак учил, и Шекспира с ним вместе вслух читал, и репетировал. Целый вечер на него убил, а ему как об стенку горохом. Ни

поклониться как следует не может, ни монолог произнести. Но кое-как всё-таки научил его кое-чему. Самое трудное было поклоном овладеть, но и это в конце концов одолели.

В общем, на следующий день встретились мы с Петровым пораньше и стали караулить Машку в сквере, через который она всегда в школу ходит. Видим, идёт. Петров сразу же в кусты полез. Ну, думаю, упустим. Собрал я все силы и как толкну его! Такое ускорение ему придал, что он из кустов как ракета вылетел…

Маша Старцева.

…и как медведь прямо мне на ногу. А у самого вид какой-то странный. Ты чего, спрашиваю, толкаешься, Петров? А он молчит и глаза вытаращил. Хотела я дальше идти, а он вдруг как крикнет: «Могу!..» – и замолк. Чего ты можешь, Петров, спрашиваю. А он всё своё «могу!» твердит и руками как-то странно разводит… Тут из кустов Васечкин высунулся, тоже тут как тут, думает, я его не вижу. И прямо, как на уроке, Петрову подсказывает. «Могу тебе я, Маша…» – шепчет.

Тут я разозлилась и говорю: «Петров, может, ты мне дашь пройти?» А он вдруг как руками замашет, да как заорёт: «Могу тебе я, Маша, врезать так, что ты об этом долго помнить будешь и сразу перестанешь быть строптивой!» Потом он застыл на минуту, перевёл дух и снова замахал руками, но теперь я уже поняла, что он так старинный поклон изображает. Ну, ты, говорю, Петров, совсем! И дальше пошла…

Петров.

Покрутила она пальцем у виска и ушла. Тут Васечкин из кустов выскочил и ну меня по плечу колотить. «Молоток, – говорит, – Петруччо! Всё идёт хоккей! Теперь ей, главное, есть не давать! Помнишь, как в книжке?»

Помнить-то помню, только не по душе мне всё это. Не такой у меня характер… И Машу жалко. Она вон какая худенькая. Но разве Васечкина переспоришь, если он себе что-то в голову вбил? Вздохнул я и пошёл укрощать дальше…

Васечкин.

Чего мне это стоило – и не спрашивайте. Но не останавливаться же на полпути. Эх, мне бы на место Петрова! Он, конечно, хоть и здоровый такой, но, как Люда Яблочкина говорит, «неинициативный»!

В общем, пока я его уговаривал, опять чуть было не опоздали. Но хоть в чём-то повезло. Прибегаем в буфет и видим – поспели в самый раз. Машка только-только взяла в буфете стакан молока, положила пирожки на тарелку и теперь шла к столу.

Чувствую, самое время действовать, а Петров опять застыл как памятник и ни с места.

Машка уже к столу подошла, всё на него аккуратненько поставила, из карманчика салфеточку белоснежную вынула, на коленях расстелила… Так противно, сил нету! Одно слово, отличница!

А Петров всё глаз от неё оторвать не может. Стоит и любуется, балда! А чего тут любоваться, ведь съест всё сейчас! Ну, я не выдержал и снова как толкну его!..

Маша Старцева.

Но на этот раз я уже была начеку. Как только Петров с Васечкиным появились в буфете, я бдительность повысила и за каждым их шагом наблюдала. Поэтому, когда Васечкин толкнул Петрова, я тут же отодвинулась и ноги под стул спрятала. Но Петров с разгону подлетел к моему столу, схватил мой стакан с молоком и, не успела я опомниться, выпил его залпом! Потом схватил мои пирожки и в два приёма засунул их в рот… Я просто онемела от такого нахальства. Сижу с салфеткой на коленях и смотрю, как он мои пирожки прожёвывает и глотает. Потом наконец пришла в себя и спрашиваю: «Ты что, Петров, заболел?»

Петров.

А как я ей могу ответить, когда у меня рот пирожками набит. Поэтому я, вместо того чтобы отвечать, стою и жую изо всех сил. А она аккуратно сложила салфетку, вытерла ею рот, хотя ничего и не ела, и ушла. А в мою сторону даже не взглянула. Ну, как ей теперь объяснишь, что это всё не я придумал, а Шекспир вместе с Васечкиным? Сам бы я ни за что такое не сделал. Не тот у меня характер. А Васечкин уже опять меня по плечу хлопает. Всё идёт по плану, говорит. Считаю, ты её уже частично укротил! Ещё немножко, говорит, осталось. Только теперь давай уж сам. Проявляй инициативу! Чего я за тебя всё время думаю? Ты же книжку прочёл! Вот и действуй!

Легко сказать, действуй! В общем, пришёл я в наш пустой класс, думал, думал, большая перемена уже на исходе, а я ничего, кроме как подложить Маше на сиденье кнопку, не придумал. Ну и подложил. В последний момент, перед самым звонком на урок…

Васечкин.

Вбегаю я в класс прямо перед носом у Инны Андреевны, а у Петрова такой вид, как будто его варили в кипятке: красный как рак и пот градом. Это значит, он что-то придумал. Для него думать – всё равно что для меня кирпичи таскать.

«Ну, чего, – спрашиваю, – придумал?» – «Ага, – радостно кивает, – придумал».

А урок, между прочим, уже начался, и Инна Андреевна, наша классная, вдруг говорит: «Опять вы, Петров и Васечкин, болтаете! Нука, Петя Васечкин, поменяйся быстро местами с Машей!»

Эта воображала, конечно, тут же заныла, что не хочет с Васей Петровым сидеть. А этот балда, вместо того чтобы стоять и тихо радоваться, что так вышло и можно будет Машку целый урок укрощать, вдруг тоже заявляет, что и он с Машей Старцевой сидеть не хочет.

– Балда! – говорю. – Соглашайся! Всё нормалёк!

А он стоит, глазами хлопает и рожи корчит…

Петров.

Ну да, как же, «нормалёк»! Там ведь у Маши на сиденье кнопка! А Васечкин уже книги свои схватил и так и норовит туда сесть. Я ему мигаю-мигаю, а Инна Андреевна говорит: «Дискуссий на эту тему мы устраивать не будем! Ну-ка, быстро пересели! Маша, меняйся с Петей местами!» Ну, что тут делать? В общем, поменялись они местами. Инна Андреевна говорит: «Садитесь!» И…

Маша Старцева.

…Васечкин тут же вскочил как ужаленный, да как закричит. Инна Андреевна спрашивает: «Что с тобой, Васечкин?» А он отвечает, что, мол, ничего, а у самого на глазах чуть ли не слёзы. Что бы это могло значить? – думаю. Глянула на сиденье, а там кнопка. Тут я всё сразу и поняла, опять эти петровские штучки. Ох, и надоел же он мне! Посмотрела я на него, а на него и смотреть-то жалко, тоже чуть не плачет, хотя ни на какую кнопку не садился. Нет, думаю, сам он до такого додуматься не мог, не такой у него характер. Тут без Васечкина не обошлось. А раз так, то и поделом Васечкину. Не копай другому яму. Не по-честному это потому что!

Васечкин.

Ладно, ладно. Пусть скажет спасибо, что не я её укрощаю. А Петров такой недотёпа, всё у него шиворот-навыворот получается. Вот она и пользуется этим, ходит неукрощённая как ни в чём не бывало. А Петров всё худеет. Уже на себя не похож.

Терпел я, терпел и не вытерпел, не мог я больше спокойно смотреть на то, что она с Петровым делала. И чего он в ней такого нашёл? Вот чего я не мог понять. Уж я на неё и так смотрел, и этак… Ну, хоть убей, Машка-промокашка! Одно слово, отличница! А Петров ничего слышать не хочет, только худеет и глазами хлопает.

Ну, ладно, говорю, чего для друга не сделаешь! А ля гер, как а ля гер!..

Петров.

Чего? Чего? Васечкин всегда выкопает какую-нибудь иностранную поговорку. А то, что другим это непонятно, ему наплевать. Пришлось три раза переспросить, прежде чем он перевёл.

«На войне, – говорит, – как на войне! Поговорка такая у французов. Давай сюда книжку. Я сам пойду! А то ты опять что-нибудь такое же придумаешь!»

При этих словах он поморщился и потёр себя ниже спины. Про кнопку вспомнил. Потом раскрыл книгу и начал освежать в памяти бессмертного Шекспира. При этом он шевелил ушами, морщил лоб, а руками выделывал такие замысловатые движения, что я даже испугался, как бы он их не вывернул.

Но тут как раз в конце коридора появилась Маша…

Маша Старцева.

…Смотрю, Петров и Васечкин стоят возле самого выхода у окна. И Васечкин руками размахивает, ну точь-в-точь как Петров утром, только ещё сильнее. Ну, думаю, теперь и этот с ума сошёл. И точно, как увидели они меня, Петров бочком, бочком к выходу и спрятался за дверью, а Васечкин зачем-то ещё раз глянул в большую книжку, захлопнул её и со всех ног бросился мне навстречу.

Только до меня он не добежал, а, поскользнувшись на линолеуме, растянулся на животе. Я хотела помочь ему подняться, а он вдруг сам вскочил, да как заорёт на меня: «Царапка котик!» А эхо в глубине пустого коридора отозвалось: «Котик, котик, котик!»

И тут вдруг Васечкин замолк и как-то странно начал на меня смотреть. Смотрит и смотрит. Ну прямо как Петров… Что это с ними всеми? – думаю. Может, заболели? Может, это эпидемия какая-нибудь заразная? Ещё неизвестная науке… Я ведь всё-таки сандружинница. Так что я его спрашиваю: «Ты что, Васечкин? Ты нездоров? Чего ты на меня уставился? Какой ты сегодня странный, Васечкин…»

Васечкин.

Ещё бы не странный! Это надо же! Сказал бы мне кто, ни за что бы не поверил, что такое бывает. А всё Петров виноват. Это я от него заразился. Ведь ещё утром ничего не было. Мы же с ней четыре года в одном классе учились. Какой от неё прок? Разве что списать? А так одно слово – Машка-промокашка! Воображала! Отличница! А тут вдруг… И угораздило же меня. Другу решил помочь! Вот, думаю, сейчас класс покажу. А потом как грохнулся, тут всё и началось. Может, это от сотрясения? Только поднялся и собрался ей монолог врезать: «Царапка котик! Но всё же котик! Все говорят, что котик мой хромает!..» Тут надо было ей со всех сил на ногу наступить, сам по телику видел, а потом этак с сочувствием сказать: «Ах, злые люди!» Только чувствую, ничего я этого сделать не могу, а стою дурак дураком, прямо как Петров… И самое главное, неожиданно понимаю, что он в ней нашёл… Ведь красивее девчонки я за всю свою жизнь не видел! Что же это делается? Может, болезнь какая, вроде гриппа. А что, если лекарства от неё ещё не придумали? Что же, так всю жизнь мучиться? Что бы, думаю, для неё сейчас такое хорошее сделать? Может, перочинный ножик подарить? У него всё равно одно лезвие сломано…

А Маша всё говорит что-то, только я ничего не слышу, потом прошла мимо, как по воздуху проплыла, а я за ней, как на верёвочке привязанный. Ничего себе, думаю, укротили… А всё Петров!

Петров.

Вот так всегда, чуть что – сразу Петров. Как будто это я придумал Машу укрощать! Теперь сами видите, не тот у меня характер. Но от Васечкина я такого не ожидал. Ни за что в жизни. То есть когда он пошёл за ней как привязанный, я просто обалдел. А когда они мимо прошли, я ещё минут пять соображал и глазами хлопал, а уж только потом за ними побежал. А Маша шла, ну, как по воздуху плыла, и мы за ней, вдвоём, плечом к плечу, как настоящие друзья. Ведь мы с Васечкиным не разлей вода, как говорится, всегда вместе: и на каток, и в кино, а надо будет – и в разведку…

По закону Архимеда

Владику Дружинину

Итак, приключения! Одно это слово заставляет сильнее биться мальчишеские сердца. Да и взрослые тоже. Звон отточенного клинка, манящий мрак бездны, бешеная скачка верного скакуна – всё это с детства притягивает нас.

Скучные, с тоскливым выражением в глазах сидели Петров и Васечкин дома, друг против друга за столом. Только что они надували щёки и с шумом выдыхали воздух, гоняя таким способом по столу сложенного из бумаги зверя, с тем чтобы загнать его на сторону противника. Наконец победил Петров, зверь свалился под стол с Васечкиной стороны, и друзья печально уставились друг на друга, понимая, что от судьбы не уйдёшь.

А дело было в том, что учительница истории Раиса Бенедиктовна задала 4-му «Б» подготовить совместный доклад о жизни великого математика и физика древности Архимеда. «Учитесь учиться самостоятельно!» – заявила им Раиса Бенедиктовна.

– Ну ладно, – сказал Васечкин, потягиваясь и вставая из-за стола, – учиться надо! А то ещё, пожалуй, завтра вызовут!

Зевнув, он побрёл по комнате, тщетно пытаясь обнаружить в ней что-нибудь новенькое. Но всё в этой комнате – увы! – было ему очень хорошо знакомо.

– Так что там дальше про Архимеда? – уныло спросил он Петрова.

Петров потянулся за книжкой.

– А дальше Архимед открыл закон Архимеда, – сказал он.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Васечкин без всякого интереса.

Он подошёл к окну и стал дышать на стекло.

– Архимед открыл этот закон при погружении в ванну, – объявил Петров.

– В ванну – это хорошо! – задумчиво сказал Васечкин, рисуя пальцем ванну на запотевшем стекле. – Но вообще-то я этот закон знаю!

– Ну? – поразился Петров.

– Ага. По закону Архимеда после сытного обеда полагается поспать! – И Васечкин широко зевнул. – Так?

– Не совсем, – сказал Петров, продолжая чтение. – «Эврика!» – воскликнул Архимед, что означало «я нашёл!».

– Чего же он там в ванной нашёл? – спросил Васечкин, подходя к радиоприёмнику.

– Открытый Архимедом закон гласил: «Тело, погружённое в жидкость, теряет в весе столько…» – продолжал читать Петров.

Но дальше уже Васечкин ничего не слышал, поскольку по радио в это время женский голос говорил:

– Дорогие ребята! Продолжаем наш концерт по заявкам. Следующее наше письмо мы получили от Пети Васечкина из четвёртого «Б» класса… – Васечкин резко включил радио на полную мощность, – 25-й школы.

«Дорогая редакция! – пишет нам Петя Васечкин. – Прошу вас исполнить песню из моего любимого фильма “Белое солнце пустыни”!».

Васечкин гордо посмотрел на восхищённо смотрящего на него Петрова.

– «Мы с моим другом Васей Петровым очень любим этот фильм и хотим быть похожими на его героев!» – продолжал диктор.

– Ну ты даёшь! – прошептал Петров.

– «Я лично, – пишет нам Петя, – говорило радио, – хочу быть похожим на красноармейца Сухова, а мой друг Петров больше похож на Саида».

Петров изумлённо посмотрел на Васечкина. Тот сделал вид, что не заметил его взгляда.

– Дорогой Петя! – сказало радио. – Очень хорошо, что тебе нравится красноармеец Сухов. Желаем тебе успехов в учёбе! Передаём для тебя и твоего друга Петрова песню из кинофильма «Белое солнце пустыни», «Ваше благородие, госпожа удача!..».

И действительно, зазвучала хорошо знакомая и любимая всеми песня. Петров молча встал и начал решительно собирать свои вещи.

– Ты чего? – спросил Васечкин, который удобно расположился послушать песню.

Петров хмуро молчал и сосредоточенно доставал из-под стола закатившийся куда-то карандаш.

– Обиделся, что ли? – занервничал Васечкин. – Подумаешь! Ну, просто к слову пришлось. Написалось так, понимаешь?

– Я-то понимаю, – сказал наконец Петров глухим от обиды голосом. – Я всё понимаю. Ты, значит, у нас похож на Сухова, а я – на Саида.

– А чего тут такого? – защищался Васечкин. – Ты вон большой, сильный, а я маленький… – сказал он, но тут ему стало обидно за себя и он добавил: – Но умный. Слушай, пойдём в «Марс», посмотрим лучше ещё разок… Ну его, этого Архимеда! Помнишь, как Саид нож метнул? – И Васечкин показал, как это сделал Саид.

Но Петров и глазом не моргнул.

– Ты, значит, умный? – ещё больше обидевшись, спросил он. – А я, значит…

Дальше он не договорил. Возмущение его было столь велико, что у Петрова просто не было сил продолжать. Он резко повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Васечкин растерянно посмотрел ему вслед.

В кинотеатре «Марс» шёл фильм «Белое солнце пустыни». Петров стоял в очереди за билетами на очередной сеанс. Когда до окошечка кассы осталось совсем немного, Петров оглянулся и неожиданно увидел Машу. Маша тоже увидела Петрова, однако никак не проявила этого.

– Эй, Маша! – закричал Петров. – Иди сюда!

Маша было заколебалась, но тут как раз прозвенел звонок, оповещавший о начале сеанса, и она решилась и подошла к Петрову.

– Здравствуй, Петров, – с опаской поздоровалась она.

– А я стою, – затараторил обрадованный Петров, – смотрю – ты идёшь! Вот так встреча!

Дальше он не знал, о чём говорить, и замолчал.

– А ты, Петров, что, доклад про Архимеда уже подготовил? – прервала неловкую паузу Маша.

Петров смутился.

– Ладно, бери билеты! – распорядилась Маша, поскольку очередь уже подошла.

Когда Петров и Маша выходили из кассы, они столкнулись с подбегавшим Васечкиным. Васечкин никак не ожидал увидеть их вместе и поэтому совершенно не нашёлся, что сказать.

Петров же, в свою очередь, сделал вид, что его не замечает, равно как и Маша, правда, уже совсем по другой причине. Таким образом они невозмутимо прошествовали мимо Васечкина, который оторопело проводил их взглядом, а затем скрылся в кассе.

В кинозале погас свет. Начался фильм.

– Ты в который раз смотришь? – спросил Петров Машу, устраиваясь поудобней. – Я – в четырнадцатый!

– А я в первый, – сказала Маша.

– Не может быть! – поразился Петров. – Ну ты даёшь!

– Отстань, Петров! – сказала Маша. – Мешаешь.

Через ряд позади них ёрзал на своём месте Васечкин, тщетно пытаясь понять, о чём они разговаривают.

– Смотри, – шептал тем временем Петров, показывая на шагающего по экранной пустыне Сухова, – сейчас он Саида найдёт.

– Чего найдёт? – не поняла Маша.

– Ну, Саида. Его Джавдет закопал! Он на меня похож!

– Дурак ты, Петров! – сказала ничего не понимающая Маша.

На экране тем временем Сухов действительно нашёл Саида.

– Гляди, – опять зашептал нисколько не обидевшийся Петров, – сейчас он его откопает! И будь здоров!

– Отстань, Петров! – сказала снова Маша. – Не мешай смотреть!

Петров насупился. Обиженно замолчал.

А на экране события развивались. Сухов отправился за подмогой к таможеннику Верещагину.

– Смотри, – не выдержал Петров, – он ему сейчас прикурить бросит. Динамит. Он прикурит, а потом как рванёт! Со стариков шляпы послетают! – И Петров

изобразил руками взрыв динамита.

– Петров! – возмутилась Маша. – Ты мне на уроках всегда мешаешь, ещё и здесь смотреть не даёшь!

– Мешаете смотреть, граждане! – раздался вдруг замогильный голос над ухом у Петрова.

Это Васечкин, свернув рупором газету, решил вмешаться в ход событий.

На этот раз возмутились уже зрители.

– Дорогие ребята, мы вам, случайно, не мешаем? – язвительно заметил мужчина в шляпе.

– Надо сообщить куда следует! – сказала сидящая рядом с ними дама.

– Вот видишь, – зашипела Маша, – всё из-за тебя!

Но Петров уже больше ни на что не обращал внимания. Открыв рот от напряжения, он заново переживал события в своём любимом фильме.

Тем более что действие на экране становилось всё драматичней. Запертый Суховым Абдулла попросил свою любимую жену Гюльчатай принести воды.

– Сейчас он переоденется! – не выдержал Петров.

Маша отчаянно делала вид, что не слышит его.

– Видишь, – продолжал Петров, – ты думаешь, это Гюльчатай? А это не Гюльчатай! Ты думаешь...

– Я думаю, – металлическим голосом сказала Маша, тщетно ища взглядом свободное место, – что ты мешаешь мне смотреть!

– Говорят же тебе, Петров, не мешай! – опять раздался над петровским ухом голос Васечкина, которому тоже ужасно хотелось рассказать Маше, что будет происходить дальше.

– Нет, вы только подумайте! – снова возмутилась сидевшая сзади дама. – Пускают в кинотеатр чёрт знает кого!

– Что хотят, то и делают! – туманно подтвердил мужчина в шляпе.

Но в это время на экране события достигли такого драматизма, что все: и Петров, и Маша, и Васечкин, и мужчина в шляпе, и даже дама, сидящая рядом с ним, – так увлеклись происходящим, что в зале стало очень тихо.

– Держись, Сухов! – кричал Верещагин, разбрасывая бандитов на катере и готовясь запустить мотор. – Я иду! Петруха с тобой, Фёдор?

– Нет больше Петрухи! – отвечал Сухов из огромной цистерны, в которой он оказался запертым вместе с женщинами Востока. – Убил его Абдулла! Не запускай мотор, Верещагин! Не запускай мотор!

Но Верещагин не слышал, он запускал мотор на катере и вёл его к берегу спасать Сухова и сражаться с Абдуллой.

– Он взорвётся! Точно взорвётся! – вдруг не выдержала Маша, чисто по-женски заламывая руки и не отрывая от экрана горящего взгляда. – Что же делать?!

Петров, которому уже давно было не до комментариев, мучительно взглянул на Машу и беспомощно развёл руками.

Раздался взрыв.

Маша закрыла лицо руками.

Петров молча страдал.

Васечкин мужественно закусил губу.

Тем временем банда Абдуллы предприняла новую атаку на цистерну, собираясь поджечь её. Ситуация становилась для Сухова всё безнадёжней.

И Маша, гордая, всегда невозмутимая Маша, окончательно потеряла всё своё привычное хладнокровие и со слезами на глазах шептала, забыв обо всём:

– Что же делать?! Что же делать?! Они же их сожгут!!!

И тут Петров, который, к слову говоря, совершенно не выносил женских слёз, вдруг понял, что если он сейчас не поможет Сухову, то помочь уже будет совсем некому.

И он вдруг в одну секунду оказался рядом с Суховым.

Сухов, который в это время находился внутри цистерны, вдруг обнаружил рядом с собой ранее незнакомого ему Петрова. Но удивляться было некогда.

– Вылезаем, товарищ Сухов! – горячо заговорил Петров. – Я вас прикрою! Вы с той стороны спрыгнете – и к Саиду! А за женщин не беспокойтесь, бандитов я задержу!

– Спасибо тебе, Василий! – сказал Сухов, вылезая вместе с Петровым на поверхность цистерны.

– Не стоит! – скромно ответил Петров. – На моём месте так поступил бы каждый!

Маша в тёмном кинозале порозовела от гордос ти за Петрова.

А Васечкин, мучаясь от того, что так недооценил своего друга, сидел бледный от волнения, готовый в любую минуту прийти ему на помощь.

Петров тем временем вытащил из кармана рогатку и вступил в бой. И, надо сказать, очень вовремя. Потому что к цистерне, собираясь поджечь её, уже скакал один из бандитов с горящим факелом.

Петров прицелился, выстрелил и попал ему в глаз. Бандит взвыл, выронил факел и хотел было скакать обратно, но не успел – лассо, брошенное мощной рукой Саида, сбросило его с лошади.

Маша в зале зааплодировала.

Васечкин сжал кулаки.

А Петров продолжал бой. Всё сильнее наседали бандиты. Они уже подбирались к нему со всех сторон. Но Петров умело отбивал атаки, с поразительной меткостью стреляя из своей верной рогатки.

Всё шло вроде бы хорошо, но вдруг Петров нахмурился. Рука его, в очередной раз полезшая в карман за камушком для рогатки, оказалась пустой.

Петров быстро вывернул оба кармана. В них ничего не было. Петров поискал вокруг взглядом, пытаясь найти что-нибудь пригодное для стрельбы.

Увлечённый этими поисками, он совершенно не замечал, что за его спиной к нему уже подбирается очередной бандит.

И тут Васечкин не выдержал.

– Держись, Петров! – на весь зал заорал он и в тот же миг оказался на экране рядом с Петровым.

Васечкин, очутившись на цистерне около друга, не терял ни секунды. Он быстро вытащил из кармана нехитрое устройство для пускания мыльных пузырей, знакомое всем, кто когда-либо увлекался этим достойным занятием.

Он поднёс игрушку ко рту, повернулся к приближавшемуся бандиту и сильно подул. (Надо сказать, что сделано это было очень вовремя, поскольку бандит уже занёс над Петровым руку с кинжалом!)

– А-а-а-а-а-а! – заорал бандит, роняя кинжал и хватаясь за глаз, в который угодил мыльный пузырь. – Щиплет!!!

Васечкин же продолжал дуть, и, конечно, очередной пузырь попал бандиту в другой глаз.

Тот, закрыв от боли глаза руками, потерял равновесие и с грохотом свалился с цистерны вниз, где и остался лежать, оглушённый падением с такой высоты.

– Раз! – сказал Васечкин, открывая собственный счёт.

Он вынул из другого кармана вторую такую же игрушку, протянул её Петрову, и оба стали изо всех сил дуть, посылая мыльные пузыри навстречу лезущим со всех сторон врагам.

– Два! – считал Васечкин. – Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alenikov_vladimir/priklyucheniya-petrova-i-vasechkina

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить